

ПРОФЕССОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЕГОРОВ И ИМЕСЛАВИЕ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX СТОЛЕТИЯ¹⁾

С.С.Демидов

1. Имеславие

В конце XIX — начале XX века в уединенном скиту на Кавказе совершал молитвенный подвиг схимонах Иларион, бывший до того на протяжении двух десятилетий насельником на Афоне. Духовный опыт, приобретенный им в итоге многотрудной отшельнической жизни, лег в основу опубликованной в 1907 г. книги «На горах Кавказа» [1], вышедшей (с помощью Св.Елизаветы — Великой Княгини Елизаветы Федоровны) вторым изданием в 1910 [2] и третьим — в 1912 году [3]. Свои переживания при молитве и постоянном призывании Имени Господа Иисуса Христа, Иларион резюмировал словами [3, с.6]: «В Имени Божиим присутствует сам Бог — всем Своим существом и всеми Своими бесконечными свойствами». В своих исканиях Иларион исходил из традиций восточного монашества и мистического православного богословия

1) Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (коды проектов: №98-03-04084а, №99-03-19868а)

(Св.Симеон Новый Богослов, Св.Григорий Палама). Как писал позднее П.А.Флоренский [4, с.IX]: «Опираясь на древних отцов и из современных церковных писателей в особенности на о.Иоанна Кронштадского и на епископа Игнатия Брянчанинова, схимонах Иларион выясняет в своей книге, что спасительность молитвы Иисусовой — в привитии сердцу сладчайшего Имени Иисусова, а оно Божественно, оно — Сам Иисус, ибо Имя неотделимо от Именемого».

Книга вызвала интерес в различных читательских кругах — от простецов (особенно на Кавказе, где было особенно сильно непосредственное влияние самого Илариона) до высокоумных философов и богословов (подробнее об этом ниже). Особенно заинтересованно приняли ее русские монахи на Афоне, прежде всего в Фиваидском скиту Пантелеймонова монастыря, из которого вышел сам Иларион. В своем отношении к его учению монахи разделились на имеславцев¹ — так были названы те, кто сочувственно отнесся к тезису о божественности самого Имени Иисуса, и их противников — имеборцев², среди которых мы видим практически всех, имевших отношение к монастырской администрации, таких как сам игумен Пантелеймонова монастыря о.Мисаил. Имеславцев возглавили иеросхимонах о.Антоний (Булатович) и архимандрит о.Давид. Если о.Давид в монастыре был моральным и религиозным авторитетом и не был обременен большой ученостью, то о.Антония, напротив, отличали большие, в том числе богословские, познания. Вообще, о.Антоний — одна из самых ярких фигур русской политической и культурной истории России последней четверти XIX — начала XX века³. Им был написан ряд сочинений, разъясняющих и защищающих идеи имеславия. Важнейшим из них стала «Апология веры в Божественность Имен Божиих и Имени "Иисус"», литографированная с машинописи на Афоне в 1912 г. [9]. Если книга Илариона по жанру своему не является богословским догматическим сочинением и носит скорее характер описания (местами лирического) личных молитвенных переживаний монаха-аскета), то брошюра Булатовича вводит обсуждаемый вопрос в сферу богословия как такового. Уже в 1913 г. она (уже с названием «Апология веры во Имя Божие и во имя Иисус») вышла в Москве в издаваемой М.А.Новоселовым «Религиозно-философской библиотеке» с предисловием (неподписанным) П.А.Флоренского [10]. Таким образом, события разворачивавшиеся на далеких от столиц Кавказе и Афоне оказывались в центре внимания русского читателя, волновавшегося религиозными вопросами.

Философы и богословы-имеславцы видели в имеславии (или оноματοдоксии) не новое слово в православном богословии, но древнюю составляющую его часть, долго (со времен крушения средневекового мирозерцания) игнорировавшуюся официальной богословской мыслью и жившую в религиозной практике монастырей и скитов. «Имеславие, — писал А.Ф.Лосев [11, с.7], — одно из древнейших и характерных мистических движений православного Востока, заключающееся в особом почитании имени Божьего как необходимого, догматического условия религиозного учения, а также культа и мистического сознания в православии.» И далее [11, с.8]: «...мистическое обоснование имеславия остается в церкви непоколебленным в течение столетий. Представителями этого учения были составлены тысячи трактатов, начиная с апостола Ермы ("имя Сына Божьего велико и невыразимо и неизмеримо, Оно содержит в себе целый мир"), а затем — Юстином Мучеником, Василием Великим, Григорием Богословом, Иоанном Златоустом, Афанасием Великим, Григорием Нисским, Кириллом Александрийским, Исихием Иерусалимским, Феодором Студитом, Максимом Исповедником, Григорием Синаитом и т.д. Суть имеславия особенно полно проявляется у восточного монашества в мистическом учении о единении с Богом через его имя в т.н. "Иисусовой молитве"». «Лишь с начала XX в. мы являемся, — продолжает Лосев [11, с. 11], — свидетелями возобновления древних споров в новой дискуссии, которая, разившись на основе и по поводу учения об имени Божьем..., придала...учению о Божественных энергиях новую модификацию...»

Между приверженцами и противниками имеславия началась своего рода война, в которую оказались вовлеченными не только братия русских монастырей на Афоне, но и Константинопольский патриархат, в юрисдикции которого находился Афон, и российские дипломаты в Греции и Турции, и Синод Русской православной церкви, и Государственная Дума России, и российский флот, и даже сам царь Николай Второй. Мы не можем здесь подробно останавливаться на событиях этого дела. Некоторую информацию о нем можно почерпнуть в книге А.Ф.Лосева [11], в комментарии о.Андроника (Трубачева) [12] к имеславческим работам П.А.Флоренского, а также в хронике [13]. Мы ограничимся лишь самыми кратким обзором событий дела.

Так как имеславцы на Афоне оказались многочисленными и очень активными, то события быстро привели к прямому их столкновению с не сочувствующей им администрацией русских монастырей на Афоне. (Заметим, что спор об Имени Божиим затронул на

Афоне лишь русских монахов. Иноки-греки остались к нему безучастны.) Составляя большинство в Андреевском скиту, имеславцы добились в начале 1913 г. низложения его игумена-имеборца и избрания на его место одного из своих лидеров о.Давида. Однако администрация греческого монастыря Ватопед, которому был подчинен Андреевский скит, сославшись на формальные нарушения, допущенные в процедуре выборов, отказалась утвердить это избрание. Имеборцы обратились с жалобами и в Константинопольскую патриархию, и в Синод Русской православной церкви, настаивая на осуждении имеславия, как неправославного учения. И там, и там они нашли поддержку. В патриархии с подозрением отнеслись к новшеству (первое осуждение имеславия Вселенским патриархом состоялось еще 12 сентября 1912г.) и передали книгу Илариона и «Апологию» о.Антония (Булатовича) (эти два сочинения и станут отныне основными источниками по имеславию) на заключение в Богословскую школу на острове Халка. Халкинская богословская школа, особенно не вникая в суть дела⁴, пришла к заключению, что мнение имеславцев о том, что имена Божий «суть энергии Бога, — есть новоявленное и суесловное, а их довод, что всякое слово Бога, как энергия Его, не только дает жизнь и дух, само жизнь, само оно Бог, — этот довод, применяемый широко, ведет к заключениям..., которые, вопреки всем их отрицаниям, пахнут пантеизмом» [15, с.14].

Заключение Халкинской школы дало основание патриарху выступить 5 апреля 1913 г. с более жестким осуждением имеславия. Как гласила патриаршая грамота на Афон: «А так как происшедшее от заблуждения и превратного, невежественного толкования новоявленное и неосновательное это учение составляет хульное злословие и ересь, как отождествляющее и сливающее не слитное и тем самым ведущее к пантеизму (всебожию)...» [15, с.16].

В Санкт-Петербурге имеславие нашло серьезного противника в лице архиепископа Волынского Антония (Храповицкого), в ту пору самого влиятельного члена Священного Синода Русской православной церкви⁵. Поэтому реакции Синода не приходится удивляться. Как пишет анонимный автор в газете «Новое время» за 17 мая 1913 г. (цитирую по [13]): «16 мая под председательством митрополита Петербургского Владимира состоялось экстренное заседание Св.Синода, посвященное вопросу о том, согласно ли учение афонских монахов Илариона и Антония (Булатовича) о божественности самого имени Иисуса с учением церкви или же оно еретично? Константинопольская церковь, в ведении которой находятся афонские монастыри, признала учение это еретическим и

запросила по сему поводу мнение русской церкви. В Синод были представлены и заслушаны три доклада: архиепископов Антония Волынского, Никона Вологодского и профессора петербургской духовной академии С.В.Троицкого. Во всех этих трех докладах учение Илариона и Антония Булатовича признается еретическим. Архиепископ Антоний Волынский идет даже дальше и говорит, что назвать это лжеучение ересью — значит оказать ему большую честь, так как это просто хлыстовские сумасбродные бредни. По поручению Синода сводку всех трех докладов в виде "послания к чадам православной церкви" составил архиепископ финляндский Сергей. Послание это было заслушано во вчерашнем заседании Синода и одобрено и будет прочитано во всех церквях. Постановление Синода (а оно было принято 18 мая 1913 г. — С.Д.) было единогласным. Учение признано хлыстовством ввиду идеи перевоплощения Божества».

Афонские имеславцы не согласились с постановлением и посланием Св.Синода и выдвинули свои возражения. Для увещевания мятежных монахов Синод командировал на Афон архиепископа Вологодского Никона (Рождественского) и профессора С.В.Троицкого, которые, нанеся по дороге визит патриарху Герману V, 4 июня 1913 г. на канонерской лодке (!) «Донец» прибыли на Святую Гору. Их сопровождал генеральный консул России в Константинополе и сотрудники консульства. По прибытии в храм Пантелеймонова монастыря владыка Никон обратился к монахам с призывом не пускаться в догматические розыскания и смириться, дабы избежать церковного суда и отлучения. О необходимости подчиниться Патриарху и Синоду говорил также консул (см. [13]). Для усиления их доводов 11 июня к Святой Горе причалил пароход «Царь» с 118 солдатами и 5 офицерами на борту. Разговор велся с позиции силы. Такое «увещевание» возымело эффект прямо противоположный ожидаемому высокой делегацией. 14—17 июня в Пантелеймоновом монастыре под охраной солдат была произведена перепись иноков. Из явившихся на перепись монахов (360 из них не явилось вовсе) 517 заявили себя имеславцами, 661 — имеборцами. Впрочем, судя по всему, к такому развитию событий высокая делегация была уже готова — 3 июля к Святой Горе причалил пароход «Херсон», на который были погружены насильственно выдворенные из Пантелеймонова монастыря монахи, а затем, на этот раз уже без насилия, и иноки-имеславцы из Андреевского скита. Так совершенно по-русски был «решен» на Афоне один из самых сложных богословских вопросов XX века.

13 июля «Херсон» причалил в Одесском порту. На его борту было 621 монахов. А 17 июля на пароходе «Чихачев»⁶ были доставлены еще 212 монахов⁷. Началось дознание. Лишь часть доставленных были признаны церковными властями сущими сани и монашестве и были отправлены дожидаться своей участи в одесские обители. Некоторые, обвиняемые или подозреваемые в совершении уголовных преступлений (среди них были даже матросы бежавшие с «легендарного» броненосца «Потемкин»), были посажены в тюрьму. Прочие же «были направлены по проходным свидетельствам в мирском одеянии для водворения на родину по местам прописки» [15, с.36].

К счастью для имеславцев, еще в феврале 1913 года задолго до высадки на Афоне десанта «под командованием» архиепископа Никона, оттуда в Санкт-Петербург для разъяснения позиции имеславцев власть придержащим отправился о.Антоний (Булатович)⁸. В результате его усилий⁹ 13 февраля 1914 года император принял в Царском Селе депутацию из четырех афонских монахов-имеславцев. Старцы и их речи произвели на него сильное впечатление и изменили его отношение к афонским событиям. Вследствие этого изменилось и отношение Синода. Суд над имеславцами был поручен Московской синодальной конторе с пожеланием тем или иным способом закрыть громкое дело и снять с имеславцев обвинение в ереси.

В мае Московская синодальная контора приняла резолюцию благоприятную для имеславцев¹⁰, которая вскоре была утверждена указом Св.Синода. На основании этого указа имеславцам было разрешено причастие Св.Тайн и священнослужение. В августе 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну, и многие из афонцев (среди них и о.Антоний (Булатович)) в качестве военных священников оказались на полях сражений. Решение же самого богословского вопроса об Имени Божиим было отложено до готовившегося Собора православной российской церкви.

К тому времени, пишет игумен Андроник (Трубачев) [12, с.428], на «стороне афонских монахов была значительная часть русского монашества, хотя после определения Синода поддержка эта носила, разумеется, скрыто-молчаливый характер, такие крупные богословы, как архиепископ Феофан (Быстров), епископ Феодор (Поздеевский), ректор Московской духовной академии, профессора Московской духовной академии священник Павел Флоренский, М.Д.Муретов, московский кружок ищущих христианского просвещения (М.А.Новоселов, Ф.Д.Самарин, С.Н.Булгаков, В.А.Кожевников, В.Ф.Эрн)... Однако было бы ошибкой и

несправедливостью считать, что поддержка афонских имеславцев означала идентичность с их взглядами и одобрение их поведения в церковной жизни (имеется в виду их агрессивно-наступательный тон во взаимоотношениях со Св.Синодом. — *С.Д.*). Философов привлекало мировидение монахов-имеславцев: оно представлялось им органически цельным, здоровым, не искаженным позитивизмом и духом поверхностной образованности. Произошел ряд выступлений философов в защиту имеславцев — среди них выделяются блестящие статьи В.Эрна, сочетающие острую пронизательность с почти памфлетным началом. В частности, В.Эрн указывал, что в основе имеборческих положений послания Синода и приложенных к нему докладов лежат субъективистская теория Милля и кантианская феноменологическая антропология, в которой человек замкнут — и, безусловно, ограничен сферой явлений своего сознания. В этом В.Эрн видел наступление протестантского духа Германии на православный дух России, которое предшествовало мировой войне. В споре об Имени Божием философы видели знамение времени; этот спор стал для них предметом многолетних размышлений, отправной точкой теоретических построений».

Собор открылся лишь в 1918 году. На нем был поднят и вопрос об Имени Божием. Как писал со слов о.Сергия (Булгакова) Л.А.Зандер [17, с.53]: «Но здесь имеславие имело авторитетных сторонников в среде ученых и епископата, и Собор выделил особую подкомиссию (под председательством архиепископа Феофана Полтавского) для изучения этого вопроса. Отец Сергий (Булгаков — *С.Д.*) вошел в ее состав, но Собор, выполнив самые неотложные церковные задачи, должен был вследствие революционных событий прекратить свое существование, и работа подкомиссии ограничилась двумя вступительными заседаниями. Комиссия успела, однако, распределить свои основные задания между членами, и о.Сергию был поручен вступительный доклад по вопросу имеславия». В итоге вопрос остался открытым, при этом никто не отменил и официального осуждения имеславия, сделанного Св.Синодом.

В наступившей же с приходом большевиков страшной для церкви эпохе богословские вопросы казалось отошли на второй план. В развязанной новыми хозяевами жизни разнузданной божьей и антицерковной кампании, главным вопросом стала проблема выживания. И вновь имеславцы оказались в особом положении. Если даже до революции их отношения с властью (исповедовавшей православие!) были столь непростыми, то можно представить себе каковыми они стали с властью советской, объявившей

атеизм своей официальной доктриной, а борьбу с религией — своей политической линией. Имеславцы составили одну из наиболее организованных и влиятельных групп, заявивших о полном неприятии богоборческой власти и волею судеб оказавшихся частью, так называемой катакомбной церкви (см. ниже), этой властью активно преследуемой. Разыскиваемыми и преследуемыми органами ВЧК—ОГПУ стали лица, принявшие учение имеславия — и удаленные с Афона монахи, и окармливаемые ими миряне. Среди них — один из крупнейших русских ученых конца XIX — первой трети XX века, глава Московской математической школы Дмитрий Федорович Егоров.

2. Математик Дмитрий Федорович Егоров

Дмитрий Федорович Егоров родился 22 декабря 1869 года в семье известного педагога-математика директора Московского учительского института Федора Ивановича Егорова. Окончив в 1887 году с золотой медалью 6-ую Московскую гимназию, поступил на математическое отделение физико-математического факультета Московского университета, где его учителями были В.Я.Цингер, Н.В.Бугаев, П.А.Некрасов, Н.Е.Жуковский. Под влиянием Н.В.Бугаева еще в студенческие годы выполнил свою первую научную работу по аритмологии (о Н.В.Бугаеве и его аритмологии см. [19; 20; 21]) «Некоторые соотношения из теории интегралов по делителям», которая была опубликована в 1892 году в 16 томе «Математического сборника». И хотя аритмологическая тематика не увлекла его (вероятно, он правильно оценил бесперспективность этого предложенного Бугаевым пути для построения содержательной теории разрывных функций — здесь мы можем подозревать первые проявления присущего ему обостренного чувства перспективности или бесперспективности задачи, или даже целого направления в математике), она привила ему устойчивый интерес к самой проблематике разрывных функций. Для последующих изысканий молодой Егоров избрал, пожалуй, наиболее важное из развиваемых тогда москвичами математических направлений — дифференциальную геометрию. Глубокие традиции дифференциально-геометрических исследований в Москве заложил выдающийся геометр К.М.Петерсон, в пропаганде идей которого видная роль принадлежала Д.Ф.Егорову. Сочинение, представленное им в 1891 г. по окончании университета на степень кандидата называлось: «О конфокальных поверхностях 2-го порядка в пространствах постоянной кривизны». Оно было высоко оценено известным геометром В.Я.Цингером и, по его и П.А.Некрасова представлению, Егоров

был оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию». Сдав в 1893 г. магистерские экзамены и прочитав две пробные лекции, Д.Ф.Егоров в 1894 стал приват-доцентом Московского университета. А в 1899 г. защитил магистерскую диссертацию — «Уравнения с частными производными 2-го порядка по двум независимым переменным» [22].

Общая геометрическая теория дифференциальных уравнений с частными производными, благодаря прежде всего усилиям Г.Монжа, А.М.Ампера, П.Дюбуа-Реймона, Г.Дарбу, С.Ли, превратилась к последней трети XIX века в одну из наиболее изучаемых областей математики. Доминирующее положение в этом направлении после смерти С.Ли заняли французские ученые — Э.Гурса, Э.Картан и др. Эта теория, основывающаяся на дифференциальной геометрии, составляла с ней, по существу, единое целое. Последовавшее в начале XX века разочарование в возможностях общей геометрической теории (объяснявшееся прежде всего выяснившейся чрезвычайной узостью класса уравнений интегрируемых в замкнутой форме) и падение интереса к ней (в противовес к подъему внимания к общей теории краевых задач для уравнений с частными производными), которое наблюдалось вплоть до недавнего времени, послужили причинами невнимания историков к соответствующим результатам Д.Ф.Егорова. Переживаемый ныне ренессанс общей геометрической теории, связанный с открывшимися возможностями использования в ней достижений алгебраической топологии, коммутативной алгебры, наконец, современной дифференциальной геометрии, с одной стороны, и обнаружившейся важностью для математической физики тех редких случаев, когда интегрирование уравнения в замкнутой форме оказывается возможным, с другой, заставляет вернуться к анализу трудов в этой области математиков конца прошлого — начала нынешнего века — Г.Дарбу, Ж.Драша, Г.Цицейки, Д.Ф.Егорова (см., например, [23; 24]). В частности, чрезвычайно важными для современной математики оказываются результаты Д.Ф.Егорова, касающиеся случаев полной интегрируемости уравнений с частными производными [23; 24].

В 1901 г. Д.Ф.Егоров защитил докторскую диссертацию — «Об одном классе ортогональных систем», результаты которой вошли в классический трактат об ортогональных системах Г.Дарбу [25]. Открытые Егоровым так называемые потенциальные поверхности были названы Г.Дарбу в его честь поверхностями *E*. Диссертация Егорова, а также последующие его работы по дифференциальной геометрии, в частности, исследования по проблеме изгибания на главном основании (продолженные впоследствии Н.Н.Лузиным),

публиковавшиеся в «Математическом Сборнике», в «Comptes Rendus de l'Academie des Sciences de Paris», в «Atti della Reale Accad. dei Lincei» и переизданные отдельной книгой [26] в 1970 году, составили ему репутацию одного из крупнейших специалистов в области дифференциальной геометрии и, неразрывно связанной с ней, геометрической теории дифференциальных уравнений с частными производными.

После защиты докторской диссертации в 1902/1903 учебном году Д.Ф.Егоров был командирован за границу. В Берлине он слушал лекции Г.А.Шварца, Г.Фробениуса, в Париже — А.Пуанкаре, Г.Дарбу, Э.Гурса, Ж.Адамара и А.Лебега, в Гёттингене — Д.Гильберта, Ф.Клейна и Г.Минковского. Диапазон его интересов был чрезвычайно широк. Особый интерес вызвали у него лекции А.Лебега — в новой теории функций действительного переменного он увидел ту самую теорию разрывных функций, которую безуспешно на путях своей аритмологии пытался строить со своими учениками Н.В.Бугаев.

В 1903 г. Д.Ф.Егоров стал экстраординарным, а с 1904 — ординарным профессором Московского университета. За время своей преподавательской деятельности, которая продолжалась вплоть до его ареста в 1930 году, Д.Ф.Егоров прочитал курсы (некоторые по многу раз) по синтетической теории конических сечений, дифференциальной геометрии, теории поверхностей, дифференциальным уравнениям — обыкновенным и с частными производными, интегральным уравнениям, вариационному исчислению, определителям, бинарным формам, непрерывным группам, теории чисел. Глубоко продуманные по форме и содержанию, лекции Д.Ф.Егорова отвечали и современному уровню рассматриваемых в них теорий, и, что не менее важно, современному («вейерштрассовскому») уровню строгости изложения. Именно в лекциях Егорова (и, может быть, еще Б.К.Млодзеевского) уровень строгости изложения был поднят до уровня, принятого в лучших университетах Европы. В предшествующий период в университете царил довейерштрассовский дух. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать лекции самого влиятельного московского математика конца XIX — начала XX века — Н.В.Бугаева. Их отличает и неаккуратность формулировок, и нестрогость изложения (см. [27, с.169—171]).

Активным желанием поднять уровень преподавания математики в Московском университете на современный уровень продиктована и организация им, совместно с Б.К.Млодзеевским, семинаров для студентов. Начиная с 1910 года Д.Ф.Егоров начал систематически вести семинар, каждый год меняя его тематику: по задаче

Дирихле, тригонометрическим рядам, бесконечным последовательностям, аналитической теории дифференциальных уравнений и т.д. Можно сказать, что все старшее поколение Московской школы теории функций выросло из этих семинаров.

Началом этой школы принято считать 1911 год — время появления в «Comptes Rendus» Парижской академии наук работы Д.Ф.Егорова «О последовательности измеримых функций» [28], содержащей его знаменитую теорему о том, что если последовательность измеримых функций сходится на отрезке почти всюду, то можно таким образом исключить из этого отрезка множество сколь угодно малой меры, что сходимость на оставшейся части будет равномерной. Уже на следующий год в том же издании появилась заметка его выдающегося ученика Н.Н.Лузина о C -свойстве. Так родилась школа, из которой впоследствии вышли многие выдающиеся математики (о ней см., например, [29]), некоторые из которых являются его прямыми учениками. Среди них — В.А.Костицын, С.С.Бюшгенс, упоминавшийся уже Н.Н.Лузин, С.П.Фиников, В.В.Голубев, А.М.Размадзе, В.В.Степанов, И.И.Привалов, Д.Е.Меньшов, А.Я.Хинчин, П.С.Александров, П.С.Урысон, И.Г.Петровский, Л.Н.Сретенский.

В теории функций действительного переменного Д.Ф.Егорову кроме упоминавшейся работы 1911 г. принадлежит также статья «Sur l'integration des fonctions mesurables», опубликованная в тех же Comptes Rendus. И хотя в дальнейшем работ по теории функций действительного переменного он не публиковал, он продолжал ею интересоваться, обсуждая соответствующую проблематику на семинарах, ставя задачи своим ученикам. Так, например, уже в 1921 г. он поставил перед П.С.Урысоном задачу топологического определения линии и поверхности, решение которой привело Урысона к построению общей теории размерности, ставшей еще одним побегом, взросшим на почве теории функций действительного переменного.

1917 год — этот роковой рубеж в истории России — Д.Ф.Егоров встретил ученым с мировым именем, автором важных результатов в теории функций действительного переменного, в дифференциальной геометрии и общей геометрической теории дифференциальных уравнений с частными производными, вариационном исчислении (в 1905 г. им были опубликованы в *Mathematische Annalen* достаточные условия экстремума для задачи Майера). В 1924 году он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1929 — ее почетным членом. К 1917 году он уже сложился как замечательный педагог, руководитель (вместе с Н.Н.Лузиным)

одной из наиболее ярких математических школ Европы. Ко времени большевистской революции раскрылся и его административный талант: в 1911—1912 гг. он ученый секретарь физико-математического факультета, а с мая 1917 — помощник ректора.

Годы революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны тяжело отразились и на математической жизни Москвы. Особенно трудно переживали лишения люди старшего возраста. В 1921 году умерли Н.Е.Жуковский и К.А.Андреев, в 1922 — А.К.Власов, в 1923 — Б.К.Млодзеевский, в 1924 — П.А.Некрасов.

Руководство московским математическим сообществом перешло к Егорову. В плане административном — он становится директором Института математики и механики Московского университета и председателем его Математической предметной комиссии. В плане научной жизни — президентом (с 1923 г.) Московского математического общества. Если многие математики в тяжелые годы революции и гражданской войны, спасаясь от голодной столичной жизни, переехали работать в провинцию, где условия существования были значительно лучше (Н.Н.Лузин с учениками в Иваново, В.В.Голубев и И.И.Привалов в Саратове), то Егоров оставался в университете, где организовывал учебный процесс и поддерживал научные исследования, вел научные семинары, и организовывал жизнь Московского математического общества. Как только представилась возможность возобновления издания «Математического сборника», прервавшегося в связи с известными военными и революционными событиями в 1916 году, он приложил все усилия (см.[30]) для его осуществления, и уже в 1924 г. появился очередной 31 том. Новые условия жизни заставили изменить сам характер журнала. Прежде всего, настоятельной задачей стало восстановление разрушенных войной международных научных связей. С этой целью Московское математическое общество принимает решение печатать статьи не только на русском, но и на немецком, французском, английском и итальянском языках с непременным резюме по-русски (если же статья написана по-русски, то она должна была сопровождаться резюме на одном из перечисленных языков). В результате, в журнале появляются статьи зарубежных авторов, в их числе Э.Картан, М.Фреше, Б.Гамбье, Ж.Адамар, Г.Хопф, С.Лефшец, Р.Мизес, Э.Нётер, Р.Мемке, В.Серпинский, Л.Тонелли. Другой задачей журнала, существовавшей всегда, но в новых условиях приобретшей особую актуальность, была ликвидация разобщенности математиков, живущих в различных городах страны (в журнале печатались казанец Н.Г.Чеботарев, киевляне Н.М.Крылов и Д.А.Граве, одессит М.Г.Крейн, ростовчанин

Д.Д.Мордухай-Болтовской, ташкентец В.И.Романовский), и организация национального теперь уже советского математического сообщества. Особенно важным стало привлечение к деятельности журнала петроградских математиков: из номера в номер росло число их статей (И.М.Виноградова, И.А.Лаппо-Данилевского, В.А.Фока, Н.М.Гюнтера, С.Л.Соболева, А.С.Безиковича, Л.В.Канторовича, Г.М.Фихтенгольца), в редколлегию был привлечен В.А.Стеклов [31].

В 1927 в Москве был организован Всероссийский математический съезд, председателем оргкомитета которого был Д.Ф.Егоров. Его значимость как выдающегося математика, основателя одной из важнейших в XX веке математических школ и выдающегося организатора науки получила признание во всей стране. Особое место Егорова в советском математическом сообществе, его высокий авторитет ученого и научного лидера входили в противоречие с отношением к нему советских партийных и государственных властей. Ибо они не могли терпеть на руководящих должностях человека идеологически и политически им враждебного.

3. Д.Ф.Егоров — человек, гражданин, христианин

Каково было мировоззрение знаменитого математика? Каковы были его политические взгляды? Что он был за человек? Ответить на эти вопросы — дело не легкое. Если Егоров-ученый открывается нам в его опубликованных математических работах, то материалов, позволяющих судить о его личности и взглядах, сохранилось очень немного, да и сохранившиеся оказались трудно доступными. Личные фонды Егорова в архивах либо вовсе отсутствуют, либо оказываются поразительно тощими, вроде его дела в архиве МГУ — создавать личный фонд репрессированного ученого было не в традициях советского архивного дела. Да и сам Егоров был не склонен к публичному обсуждению своих взглядов. Он считал, что взгляды и верования человека (в том числе его религиозные воззрения) принадлежат интимной сфере человеческого я и не являются предметом обсуждений. Если о взглядах, скажем П.А.Некрасова можно узнать, просто читая его статьи в «Математическом сборнике» или его учебники по теории вероятностей, то сухие математические тексты Д.Ф.Егорова не поведают нам ничего о взглядах их автора. По свидетельству современников¹¹, он считал недопустимым включение идеологических (в том числе религиозных) фрагментов в математический (научный или учебный) текст. Математика должна оставаться математикой. Идеологический момент должен быть начисто исключен из ее преподавания. Такая позиция

создавала ему некоторые трудности в университетской жизни и в царское время, можно себе представить — насколько стало сложно ему жить и действовать в советском насквозь идеологизированном обществе.

Так что источником наших суждений о Егорове-человеке, его взглядах и общественнополитической позиции могут служить только случайно сохранившиеся его письма к друзьям и коллегам, а также воспоминания лиц, близко его знавших.

Современники рисуют нам портрет строгого и даже сурового человека. Никаких лишних слов или эмоциональных проявлений. Чрезвычайная аккуратность и пунктуальность. Несколько лет проработавший у него секретарем Н.М.Бескин вспоминал его так [30, с.175]: «Он был не только крупным математиком, но и выдающейся личностью. Он пользовался всеобщим уважением и оказывал на окружающих магнетическое влияние. Я имел близкое соприкосновение с Д.Ф.Егоровым и подвергался исходящему от него излучению...».

Его лекции, продуманные в деталях, блестяще скомпонованные и не содержащие ничего лишнего, никаких отступлений (кстати, всегда точно по времени начинаемые и заканчиваемые), и точно такие же печатные работы, в которых результат подается в своей окончательно выкристаллизовавшейся форме, никаких сторонних соображений по ходу изложения, никаких замечаний философского или исторического характера. Впрочем, если работа требует исторического введения, как это полагалось, например, в случае диссертации, то он его напишет и притом блестяще, как он это сделал в докторской диссертации [22], предпослав ей замечательный очерк истории общей геометрической теории дифференциальных уравнений. Все внешние проявления личности Д.Ф.Егорова таковы, что можно подумать, что перед вами ученый сухарь, ничего не видящий за формулой, за математической выкладкой. Полностью разбивает такое представление знакомство с немногочисленными и, по большей части недавно открытыми, архивными материалами, а также с воспоминаниями его учеников.

Прежде всего, Д.Ф.Егоров — заботливый учитель. Об этом свидетельствуют факты из биографий его учеников, в частности содержание его писем к Н.Н.Лузину [32]: с заботой и отеческим вниманием следил Дмитрий Федорович за делами своего ученика, хлопоча о его командировках за границу, о продлении срока пребывания при университете для подготовки к профессорскому званию, беспокоясь о сложностях, возникающих по ходу его работы, в очень тактичной форме давая ему советы о том, что и как надо

читать, с кем из иностранных коллег надо непременно познакомиться, как надо работать. Он пытался даже вывести своего психологически неустойчивого ученика из тяжелого душевного кризиса. Егоров исключительно внимателен к своим коллегам и их родным. Это проявилось, в частности, в многочисленных его обращениях в советские органы для предоставления им различных пайков и субсидий в трудное послереволюционное время, в его хлопотах о пенсиях родственникам умерших сотрудников (см., например, [33]).

Можно, однако, было бы подумать, что его интересы замыкались кругом чисто академических дел и обязанностей, и все, что находилось за его границами мало его волновало. Но это не так. Когда в 1903 году в Кишиневе произошел еврейский погром, приведший к человеческим жертвам, и ряд деятелей русской науки и культуры выступили с заявлением, осуждающим этот акт вандализма (номер 5 газеты «Свободное слово» за 1903 год — см. [34, с.111]), то, наряду с подписями Л.Н.Толстого, А.И.Сумбатова-Южина, В.И.Вернадского, С.Н.Трубецкого, Н.И.Стороженко, Н.А.Умова, И.Е.Забелина, мы находим и подпись Д.Ф.Егорова. Один этот факт, на который мое внимание обратил Ч.Форд, говорит об его активной гражданской позиции. Как видно из обнаруженных Ч.Фордом в Архиве РАН (Ф.518, Оп.3. Ед.хр.565) писем Д.Ф.Егорова В.И.Вернадскому, написанных в мае—июне 1905 года, он принимал активное участие в борьбе за демократизацию российской университетской жизни.

Однако при всем внешнем сходстве позиций Д.Ф.Егорова и левой демократической профессуры (К.А.Тимирязева и др.), по сути своей, они были кардинально отличными, ибо основу позиции Д.Ф.Егорова составляла его глубокая религиозность. «При знакомстве с Д.Ф.Егоровым, — вспоминал Н.М.Бескин [30, с.176], — бросалась в глаза его религиозность. Я встречал в его доме священников, с которыми он обращался почтительно и при встрече целовал им руки». На его столе рядом с математическими книгами лежали «Жития святых». «Чтение математической литературы он для отдыха чередовал с чтением литературы богословской». Вопросы богословия и философии, затрагивающие богословскую проблематику, его живо интересовали. Из его писем к Н.Н.Лузину [32] мы узнаем, что он высоко ценил Канта¹², следил и за современной литературой. Так в письме, датированном июнем 1914 года, он писал [32, с.355]: «Достал я себе диссертацию П.А.Флоренского и нашел в ней много интересного. В частности, мысль о неизбежности антинормичности догматов, хотя, может быть не нова, но хорошо

выставлена и проведена. Интересны замечания об Ангеле-Хранителе как об "intelligibiler Charakter" Канта.

Разумеется, человек с такими убеждениями не мог принять большевизм. Оказавшись главой московских математиков и считая себя обязанным защитить и сохранить ее в наступившие «окаянные годы», Д.Ф.Егоров сознательно шел на сотрудничество с советской властью до тех пор, пока дело не касалось его убеждений. Здесь уже он был непреклонен — здесь не могло быть никаких компромиссов. Снова процитируем Н.М.Бескина: он был «принципиален и бесстрашен. Не раз он говорил, что если на собрании в его присутствии говорится нечто, с чем он не согласен, то он обязан заявить о своем несогласии. Он всегда так поступал, и до 1930 г. это проходило для него без последствий» [30, с.176].

В московских математических кругах до сих пор вспоминают об его отказе читать лекцию по математике в бывшей церкви, приспособленной под аудиторию. Этот поступок был расценен как «пощечина пролетарскому студенчеству». Владимир Николаевич Молодший, бывший в 20-е годы аспирантом, рассказывал мне, как однажды, встретив Д.Ф.Егорова в коридоре университета, попросил разъяснить одно непонятное место в курсе Э.Гурса. Егоров сразу согласился, но по ходу своего разъяснения увидел у Молодшего значок Коммунистического Союза Молодежи. Он сразу, рассказывая Молодший, изменился в лице и, сославшись на то, что ему некогда, прекратил разговор. Разумеется, столь демонстративное поведение не могло быть терпимым слишком долго, хотя поначалу власти смотрели на все сквозь пальцы.

Дело в том, что одной из главных задач новой власти в первые годы ее существования стала ломка старой университетской системы и организация новой, воспитывающей «кадры» новой интеллигенции, носителей принципиально иной идеологии. Решение этой задачи было начато с самого простого — изменения социального состава студенчества. На это был направлен правительственный декрет от 2 августа 1918 года — о приеме в высшие учебные заведения всех желающих вне зависимости от наличия документа о среднем образовании и, в то же время, о предпочтении при приеме, которое надлежало оказывать детям рабочих и бедных крестьян. На протяжении нескольких лет социальный состав студентов сильно изменился. Лица с «сомнительным» происхождением или неприемлемые идеологически, изгонялись. Этой цели служила, например, академическая чистка 1924 года, воспоминания о которой оставил нам прошедший ее Н.М.Бескин [30, с.180—183]. Как рассказала автору О.А.Петровская, вдова знаменитого математика И.Г.Петровского,

немалые усилия пришлось предпринять его учителю Д.Ф.Егорову, чтобы дать возможность Ивану Георгиевичу, который был сыном купца, окончить университет. Результатом новой политики стало чрезвычайное падение среднего уровня студентов. Зато именно новое студенчество стало в университете главным носителем новой идеологии, активно влияющим на жизнь факультета и даже на сам педагогический процесс.

К идеологическим установкам преподавателей отношение на первых порах было терпимое. Выбирать не приходилось — кто-то должен был учить студентов, а для воспитания угодных режиму профессоров нужно было время. Поэтому можно было терпеть и Егоровых, лишь бы они проявляли известную лояльность к Советской власти.

В конце 20-ых годов политика ВКП(б) и государства в отношении научных и технических кадров вступила в новую фазу. 1928 год — Шахтинское дело, 1930 — процесс Промпартии. Вредительство специалистов становится расхожей темой прессы и повсеместных собраний. Вредителей ищут всюду и всюду находят. Если до сих пор власти терпели на командных постах старую «реакционную профессуру», враждебную новой идеологии, то теперь они отказывались мириться с ней и переходили в решительное наступление. Пролетарское студенчество и «прогрессивная часть» преподавателей вузов начали ожесточенные кампании против руководителей старого типа, заканчивавшиеся их изгнанием с занимаемых постов, а в ряде случаев и их арестом органами ОГПУ. Не миновала сия чаша и Д.Ф.Егорова.

Как писал в 1930 году некий И.Зайденвар [35], уже во второй половине 20-ых годов пролетарскими кадрами студентов «профессору Егорову была объявлена война. Вначале Егоров был вынужден уйти с должности председателя Предметной комиссии, а в 1929 он был отстранен от руководства Институтом математики и механики. Непосредственно после его ухода Институт провел у себя реорганизацию — произведена была резкая пролетаризация кадров, были изменены методы работы, в частности, был отменен магистерский индивидуальный экзамен (бывший костью в горле "пролетарского" студенчества. — С.Д.). В общем (радостно заключает И.Зайденвар. — С.Д.) работа Института оживилась».

21 декабря 1929 года состоялось собрание молодых научных кадров Московского университета, на котором [36, с.18] «аспиранты с выдвиненцами из студентов дали хорошую отповедь профессору Егорову, критикуя его косность, оторванность, инертность, и аполитичность в реформе и перестройке всей педагогической,

научно-исследовательской работы и методологии». Особым нападкам подвергался Д.Ф.Егоров за свою религиозность.

Оставаясь верным себе, Д.Ф.Егоров не собирался склонять голову. Выступая в дискуссии по программному докладу нового директора Института математики и механики О.Ю.Шмидта, в ответ на заявление последнего, что те, кто не пожелает изучать марксизм и перестраивать на его основании всю свою работу, являются вредителями, он заявил (цитирую по статье одного из лидеров погромной кампании против старой профессуры, черного ангела московской математики Э.Кольмана [37]), что «не что-либо другое, а навязывание стандартного мировоззрения ученым является подлинным вредительством». Какие верные слова и как одиноко они звучали в этом собрании.

В июне 1930 года в Харькове проходил Первый Всесоюзный съезд математиков. Верный своим убеждениям Д.Ф.Егоров, среди немногих продемонстрировал отрицательное отношение к высказанному на съезде предложению отправить от имени съезда приветствие проходившему тогда же XVI съезду ВКП(б). Долго так продолжаться не могло. В октябре 1930 года Д.Ф.Егоров был арестован [38, с.150].

Хотя арест Д.Ф.Егорова был, можно сказать, предопределен, его конкретная причина до недавнего времени оставалась неясной. Загадкой оставалась суть предъявленных ему обвинений. В имеющейся и, вообще говоря, немалой историко-математической литературе, посвященной математике в СССР, нельзя даже найти упоминания о его аресте и обстоятельствах его кончины. В лучшей и наиболее полной его биографии, написанной П.И.Кузнецовым к его столетнему юбилею, этот «деликатный» для советской историографии момент «обойден» с помощью такой фразы [39, с.171]: «Д.Ф.Егоров скончался 10 сентября 1931 г. в Казани ("Известия" от 25.IX. 1931 г.) и похоронен там же на Арском кладбище». Почему проживший всю жизнь в Москве Егоров уехал туда умирать? Почему он оказался там похороненным? Наконец, почему, говоря о его смерти, нужно ссылаться на заметку в газете «Известия»? (Ведь не делается же такая ссылка в случае других известных ученых!) Конечно, любой опытный советский читатель, прочитав такие строки, заподозрил бы неладное (вероятно, этого и добивался автор, не имевший возможности написать правду). Заподозрил бы, но дальше этого вряд ли продвинулся — какая-либо информация в литературе отсутствовала.

Ситуация начала меняться в последнее двадцатилетие. Начали публиковать письма и отзывы Д.Ф.Егорова [32; 33],

воспоминания о нем (например, цитировавшиеся выше воспоминания Н.М.Бескина [30]), появились основанные на них и на новых архивных материалах статьи о нем и о математике в Москве в 20—30-е годы Ч.Форда [38; 40] и автора этих строк [41; 42]. Наконец, приоткрылся архив КГБ и стали ясны формальные причины ареста Д.Ф.Егорова и характер предъявленного ему обвинения [11]. Оказывается, он был арестован по делу так называемого политического и административного центров всесоюзной контрреволюционной монархической организации «Истинно-православная церковь».

4. «Истинно-православная церковь»

20—30-е годы — период яростной антирелигиозной и антицерковной кампании, которую советская власть вела всеми доступными ей средствами, широко используя возможности ВЧК—ОГПУ. Целью этой кампании было уничтожение церкви и ликвидация религии. Если часть клира и ведомые ею верующие (составляющие, к счастью, меньшинство русского православного народа) пошли на организацию так называемой живой церкви [18], активно сотрудничавшей с советской властью и ОГПУ, то основная часть епископов, монашества, священников и прихожан оказалась в той или иной форме оппозиции к политике советской власти. Русская православная церковь во главе с патриархом Тихоном, а после его смерти в 1925 г. с заместителем местоблюстителя патриаршего престола митрополитом Сергием долго и поначалу совершенно безуспешно пыталась отстоять свое законное место в новом государстве. До известной степени она была вынуждена идти на компромиссы, самым невинным из которых было поминовение на службах богоборческой власти. Не все клирики и прихожане соглашались на это — часть церкви ушла в подполье и потому получила название катакомбной. Другое ее название (во всяком случае, значительной ее части) «истинно православная церковь» подчеркивало ее отличие от официальной церкви, пошедшей, по мнению радикалов, на сговор с сатанинской властью, а потому не являвшейся воистину православной.

Есть все основания полагать, что катакомбной церкви как единой организации не существовало, и под «катакомбной церковью» следует понимать совокупность православных групп, состоявших из клириков и мирян, которые отказались признавать богоборческую власть и религиозная жизнь которых протекала вне официально зарегистрированных храмов. Причем, группы эти находились в разных отношениях с Московской патриархией — некоторые поддерживали с ней связи, другие их полностью порывали¹³.

Одну из самых многочисленных, сплоченных и организованных групп такого рода составляли имеславцы. Уже до революции оказавшись в особых взаимоотношениях с церковными властями и уже тогда вытесненные из официальной церковной жизни, в новых условиях они с наименьшим трудом приспособились к катакомбному существованию.

Если власти еле терпели идущую на компромиссы и действовавшую открыто Русскую православную церковь, то катакомбной совсем неподконтрольной церкви они попросту боялись и делали все возможное для ее уничтожения. Органы ОГПУ были обязаны найти и уничтожить все очаги сопротивления, даже если речь шла о сопротивлении идеологическом, духовном. Не умея найти истинных катакомбников, что было непросто, ОГПУ действовало испытанным способом — его сотрудники сами прямо на Лубянке «создали» ее «административный и политический центры». В них были включены клирики и миряне либо только заподозренные в принадлежности к катакомбникам, либо просто известные своей религиозной активностью и, как правило, своей религиозности не скрывавшие. Всего по делу проходило 48 человек [11, с.XII]. Структура организации, как она вырисовывается из материалов ОГПУ, представляется путанной и аморфной.

Ее общеполитическое руководство осуществлялось из Москвы церковно-политическим центром, выработавшим платформу и практические мероприятия организации. В него входили, проходившие по делу, знаменитый богослов и выдающийся религиозный деятель М.А.Новоселов, известный философ профессор Государственного института музыкальной науки А.Ф.Лосев и его жена научный сотрудник Астрофизического института В.М.Лосева-Соколова, профессор Д.Ф.Егоров, профессор Московского университета механик Н.Н.Бухгольц¹⁴, профессор психологии Н.В.Петровский, преподаватель рабфака им.Артема В.А.Баскарев, член Научно-технического комитета Реввоенсовета СССР М.А.Сверчков, преподаватель рабфака Московского института инженеров транспорта геолог А.В.Сузин¹⁵, научный сотрудник Военной академии им.Фрунзе С.Н.Соловьев¹⁶.

Таким образом, политическое руководство организацией, по схеме ОГПУ, осуществлялось группой профессоров, преподавателей и научных работников. Административное руководство организацией возлагалось на «Всесоюзный церковно-административный центр», располагавшийся достаточно далеко — в Ленинграде. Во главе этого центра стояли митрополит Иосиф (И.С.Петровых) и, в ранге его заместителя, архиепископ Гдовский Дмитрий

(Д.Г.Любимов). (Оба иерарха также проходили по рассматриваемому нами делу.) Роль церковно-административного центра в деле прописана плохо. Организованный М.А.Новоселовым по заданию московского церковнополитического центра и им же руководимый¹⁷, ленинградский центр выглядел по материалам дела скорее неким филиалом московского, хотя, по замыслу авторов дела, должен был располагаться почти наравне с московским, осуществляя верховные административные функции.

Связи между обоими центрами (важная роль в их осуществлении отводилась М.А.Новоселову) выглядят чрезвычайно запутанными. Под их руководством, за которым невозможно разглядеть какую-либо систему (одни филиалы подчинены Москве, другие Ленинграду), в стране, согласно обвинительному заключению, действовала разветвленная сеть филиалов организации¹⁸.

Из других привлеченных по делу активистов организации назовем сотрудника Государственного исторического музея А.Б.Салтыкова, участника руководимого Н.Н.Бухгольцем нелегального кружка молодежи, якобы готовящего кадры для борьбы с Советской властью, научного сотрудника Машиностроительного института В.Н.Щелкачева, сына проживавшего в эмиграции знаменитого русского философа и богослова С.Н.Булгакова художника Ф.С.Булгакова, известного московского священника В.Н.Воробьева.

Некоторые обвиняемые к началу следствия по этому делу уже находились в концлагерях и были доставлены на Лубянку оттуда. Это — М.А.Новоселов, митрополит Иосиф, архиепископ Дмитрий, епископ Алексей, священник Н.Н.Дулов. Лишь наличие таких людей — известного религиозного деятеля Новоселова и видных церковных иерархов — могло придать делу видимость подлинного дела о крупной организации церковников.

За двумя «центрами» явственно проглядывают две основные группы, из которых ОГПУ начало лепить «организацию». Первая — это радикальное течение «иосифлян» (последователей митрополита Иосифа), составившее основу «Истинно-православной церкви». Вторая — это московская группа имеславцев, тесно связанная с движением имеславцев на Северном Кавказе. Прямое указание на это сохранило обвинительное заключение, в самом начале которого читаем: «Наличие агентурных данных дало нам возможность установить, что к политическим установкам и политическому руководству организации "Истинно-православная церковь" и "Имеславцев" причастна группа антисоветской профессуры. Ряд представителей этой группы, как-то: профессор математики Егоров Дмитрий Федорович, профессор философии Лосев Алексей

Федорович, профессор психологии Петровский Николай Васильевич и др. были арестованы» (Заключение, с.2).

Среди прочего организации вменялась в вину активная борьба с коллективизацией, работа по срыву хлебозаготовок, подготовка повстанческого движения с целью свержения советской власти, установление связей с белогвардейскими организациями за границей.

Знакомясь с обвинительным заключением по делу, поражаешься топорности его изготовления. Те, кто его фабриковал из различных плохо согласующихся между собой фрагментов, даже не позаботился о том, чтобы оно выглядело достоверным. Структура организации совершенно не проработана. Авторы несколько не беспокоят бросающиеся в глаза противоречия. Их мало смущает, например, соединение в одну организацию (более того — в одну церковь!) идейно и духовно несоединимых имеславцев и последователей главного их противника митрополита Антония (Храповицкого). О том, что дело было не подлинным, но слепленным мастерами с Лубянки, мы знаем и из свидетельства его участника известного специалиста по механике нефти Владимира Николаевича Щелкачева. Ко времени своего ареста он, вчерашний выпускник физико-математического факультета Московского университета, ни к какой катакомбной церкви отношения не имел, зато был активным прихожанином одной из арбатских церквей, настоятелем которой состоял упомянутый выше протоиерей В.Н.Воробьев. Он и обратился к молодым прихожанам храма с просьбой войти в состав «двадцатки» мирян, за которой по советским правилам закреплялось право на аренду у государства культовых зданий и церковного имущества [18, с.158]. Настоятель опасался, что власти, которые по законодательству о религиозных объединениях 1929 года получили право контролировать состав «двадцаток» [18, с.157—158], могут не утвердить «двадцатку», составленную исключительно из стариков. Щелкачев вошел в «двадцатку» и сразу оказался «на виду». В конечном счете, это стало решающим аргументом (!) для причисления его к катакомбной церкви¹⁹. Такие же «аргументы» стали причиной привлечения по сфабрикованному делу и других его «участников».

5. Имеславцы

Очень «удобным» таким аргументом стала принадлежность к течению имеславия. Имеславцы, действительно, рассматривали советскую власть как сатанинскую, как наказание Господне за прегрешения русского народа. Еще в 1916 году в разгар Первой мировой войны Антоний Булатович в письме императору Николаю II

писал [13]: «Теперь промысел Божий ЖДЕТ ТОГО, ЧТОБЫ передать Вам Царьград, но УДОВЛЕТВОРИТЕ ЖЕ ПРАВОСУДИЕ БОЖИЕ, И ВОССТАНОВИТЕ ЖЕ ПОРУГАННУЮ ЧЕСТЬ ИМЕНИ ГОСПОДНЯ!» И еще ранее, в 1914 году, в другом письме императору [13] он предупреждал, что если это не будет сделано, то не известно «к каким бедствиям это приведет Россию, это ведает лишь Бог». Поэтому естественно, что большевистскую революцию и последовавшие следом гонения на церковь имеславцы восприняли как Божие наказание за неприятие православным народом истин, открываемых имеславием. Вот как свидетельствовал об этом, проходивший по делу Дулов (цитирую по тексту обвинительного заключения — Заключение, с.26): «НОВОСЕЛОВ говорил, что русский царь Николай II и весь русский народ и православная церковь совершили тягчайшее преступление: похулили Имя Божие, не поддержали течения афонских иноков и за это одна за одной на всю Россию обрушились кары Божии и произошла неудачная для России война с Германией, затем революция, расстрел Николая II и, наконец, антихристова советская власть». Из показаний А.Ф.Лосева: «...похуление Имени Божьего непризнанием имяславческого учения — это есть снятие печати, которой был запечатлен сатана» (Заключение, с.32).

В этом контексте, совершенно неинтересном да и непонятном следователям ОГПУ, подготавливавшим «Обвинительное заключение» по делу, следует понимать приводимые ими фрагменты из некоторых документов имеславцев: «Похулено и осквернено сладчайшее Имя Иисусово, вот постигла Россию великая и разрушительная война, падение и растрение великого народа, безумие и окаянство жесточайшего сатанинского десятилетия» (Заключение, с.11). Или (там же): «Вражья сила, нас опутавшая, исчезнет во свете имени господня, когда мы произнесем его с верой всем народом». Разумеется, богословские тонкости следователями игнорируются, для них главное в этих словах — их контрреволюционная антисоветская сущность.

Мы уже говорили о том интересе, который проявили к имеславию московские интеллектуалы. Активными имеславцами выступили М.А.Новоселов и П.А.Флоренский. Мы знаем об интересе, который проявлял к творчеству Флоренского Д.Ф.Егоров (см. выше — о его переписке по этому поводу с Н.Н.Лузиным). Весьма вероятно, что именно Новоселов и Флоренский сыграли определенную роль в приобщении Егорова к имеславию. В архиве Флоренского хранятся письма к нему Егорова (см. Приложение), в одном из которых он приглашает его выступить в церкви с

лекцией об имеславии, в другом — встретиться с о.Давидом (ср. с прим.20). Во всяком случае уже в 1922 вокруг Егорова и Лосева образовался кружок имеславцев, религиозная жизнь которых проходила не в той или иной церкви Московской патриархии, но была направляема старцами с Афона²⁰.

Из показаний Егорова, касающихся имеславия: «Вопрос о революции, как о Божьем наказании за грехи, не является для православных новым и потому, помещая в документах в защиту имеславия этот момент, мы ничего нового не вносили. Впервые этот момент появляется в пророчестве Серафима Саровского. Это пророчество, найденное у меня при обыске, записано Мотовиловым со слов Серафима. Поэтому может быть некоторые места в нем чересчур заострены, но в целом я против этого пророчества ничего возразить не могу». «Сатана был первый революционер, через это спал с неба» — говорится в этом пророчестве. Для христиан революция, как свержение Богом установленной власти, является противлением воле Божией и, в этом смысле, делом сатанинским. Под установленной Богом властью не понимается только царская власть, а власть вообще, существовавшая до революции. В частности, низвержение царской власти осложнялось нарушением присяги, то есть клятвопреступлением. «До рождения антихриста произойдет великая и продолжительная война и страшная революция в России. По точному выражению батюшки отца Серафима она будет превышать всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее, бунт Разинский, Пугачевский, Французская революция ничтожны в сравнении с тем, что будет в России. Произойдет гибель множества верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей, осквернение храмов Господних, уничтожение и разграбление богатств добрых людей. Реки крови прольются, но господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе» — говорится в том же документе, т.е. в пророчестве Серафима Саровского (Заключение, с.82—83). «До революции 1917 г. имеславческая литература, довольно впрочем, немногочисленная, этот момент (вопрос о судьбах России. — С.Д.) не имела в виду и его не разрабатывала, если не считать письма Булатовича, о котором я уже говорил. Когда мы занялись вопросом имеславия и при нашей устной и письменной пропаганде его развивали момент о карах Божиих за грехи русского народа — мы по существу не говорили ничего нового, развивая лишь предсказание Серафима Саровского», — показывал, согласно Заклчению (с.83), Д.Ф.Егоров.

Из обвинительного заключения мы узнаем, что Егоровым и Лосевым «был выпущен документ "Большое имеславие", в котором советская власть трактовалась, как наказание всему русскому народу, как "ужасное сатанинское десятилетие" и предлагалось для борьбы с ней сплотиться около церкви, вставая на имеславческую точку зрения».

6. Кончина Д.Ф.Егорова

На допросах Дмитрий Федорович вел себя самым достойным образом, хотя его физическое нездоровье — у него была язва желудка — причиняло ему невыносимые страдания²¹. Именно из-за обострившейся болезни его вывели из дела до его окончания и «выслали по приговору на 5 лет в Казань» [11, с.VIII]. Мы не знаем причины, заставившей его объявить там голодовку, сведения о которой сохранил нам известный алгебраист Н.Г.Чеботарев. Эта голодовка и свела Д.Ф.Егорова в могилу. Чеботарев последним из математиков видел его живым. В памяти советского математического сообщества сохранился (неизвестно только — насколько точно) его рассказ (один из его вариантов см. в [40]). Узнав, что Егоров находится в больнице Института усовершенствования врачей, он сумел, дав взятку сторожам, пройти к нему. Тот лежал в просторной палате, до подбородка укрытый одеялом, поверх которого были вытянуты сжатые в кулаки руки. Строгий и суровый. Появлению Чеботарева он очень обрадовался. Попросил его принести «Библию».

Чеботарев убеждал его прекратить голодовку, ибо ею он никому ничего не докажет. Неизвестно — внял ли его уговорам Егоров. Но в любом случае — было уже поздно. И без того уже слабый организм не выдержал. 10 сентября 1931 года он скончался. Опасаясь репрессий ОГПУ, никто из казанских математиков, кроме Н.Г.Чеботарева, на погребение не пришел. Похоронили его на Арском кладбище, недалеко от Н.И.Лобачевского.

7. Заключение

Так имеславие, своими корнями уходящее в толщу православного богословия (Симеон Новый Богослов, Григорий Палама), зародившееся как самостоятельное течение богословской мысли в среде афонских монахов, оказавшее серьезное воздействие на русскую богословскую и философскую мысль первой трети XX века (П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, А.Ф.Лосев²²), сказалось и на жизни российского математического сообщества. Я полагаю, можно поставить вопрос о его возможном воздействии (через математиков и философов имеславцев — Д.Ф.Егорова, П.А.Флоренского,

Н.Н.Бухгольца и др., через специфическое понимание природы слова) на понимание природы математических сущностей, а, следовательно, и самого предмета и метода математики. Важно было бы понять, кто из московских математиков был склонен к имеславию? Как относился к нему друг Флоренского и ученик Егорова, тонкий философ, знаток и ценитель богословской премудрости, выдающийся советский математик Н.Н.Лузин? К обсуждению таких вопросов следует подходить осторожно, с большим тактом, не теряя чувства меры. Вряд ли следует ожидать на этом пути сенсационных результатов — переживание идеологических вопросов в советскую эпоху происходило на потаенных этажах человеческого Я и редко оставляло материальный след — слишком опасным для здоровья и жизни мыслящей персоны мог такой след оказаться. Однако если какой-либо даже самый скромный результат на этом пути будет получен, это будет серьезным достижением в области истории и философии науки.

Наш рассказ о роли имеславия в жизни выдающегося русского математика Дмитрия Федоровича Егорова уместно будет закончить стихотворением Осипа Мандельштама. Сам его сюжет указывает нам — насколько глубоко имеславческая тема вошла в русское сознание и русскую культуру XX века (цитирую по [45, с.102]):

«И поныне на Афоне
 Древо чудное растет,
 На крутом зеленом склоне
 Имя Божие поет.

В каждой радуются келье
 Имябожцы-мужики:
 Слово — чистое веселье,
 Исцеленье от тоски!

Всенародно, громогласно
 Чернецы осуждены;
 Но от ереси прекрасной
 Мы спастись не должны.

Каждый раз, когда мы любим,
 Мы в нее впадаем вновь.
 Безымянную мы губим,
 Вместе с именем, любовь»

1915.

* * *

Автор приносит глубокую благодарность Свято-Тихоновскому православному богословскому институту за предоставленную возможность ознакомиться с копией «Обвинительного заключения по делу политического и административного центров всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"» (в тексте этот документ именуется «Заключение»).

Автор выражает также свою глубокую признательность известному специалисту по механике нефти Владимиру Николаевичу Шелкачеву, единственному ныне здравствующему из 48 человек, привлеченных по делу «Истинно-православной церкви», за предоставленные по делу сведения, а также за замечания, высказанные по рукописи настоящей работы, которые учтены при подготовке окончательного текста.

Автор приносит также искреннюю благодарность Сергею Михайловичу Половинкину за возможность ознакомиться с составленной им «Хроникой Афонского дела» [13], находившейся тогда в рукописи, а также за ценные замечания, которые он сделал, ознакомившись с первым вариантом настоящей работы.

Я признателен также моему греческому коллеге доктору Я.Вандулакису за предоставленную мне возможность ознакомиться с вышедшим в 1977 в Фессалониках исследованием К.Папулидиса «Русское имеславие на Святой Горе» [14], основанном на материалах, хранящихся в архивах Греции.

Я глубоко благодарен также В.Г.Морову, прочитавшему рукопись, за очень ценные замечания и поправки.

Примечания

¹ В литературе встречаются два написания: «имеславие» и «имяславие». Мы выбрали первое - им пользовался один из активных защитников имеславия Павел Александрович Флоренский (см., например, [4; 5]).

² Как писал афонский инок о.Хрисанф: «Автор номинальное, невещественное имя "Иисус" олицетворяет в живое и самое высочайшее Существо Бога. Такая мысль есть пантеистическая» [6, с.5].

³ В миру - храбрый военный, блестящий дипломат и известный путешественник (об этих сторонах его жизни см. [7]). В монашестве - молитвенник, глубокий богослов, церковный публицист, священник, на закате жизни исполнивший свой пастырский долг на полях сражений Первой мировой войны (см. [8]).

⁴ Впрочем, сомнительно, что Халкинская богословская школа, в том плачевном состоянии, в каком она находилась в то время, была готова решать задачи такого уровня. Не говоря уже о том, что среди шести подписавших заключение, только один владел русским языком (так что под вопросом остается основательность их знакомства с сочинениями Илариона и Булатовича), сомнение вызывает православность их собственных богословских воззрений. Высшее богословское образование все они (за

одним единственным исключением – П. Камниноса, учившегося в Санкт-Петербурге) получили не в православных учебных заведениях, а, главным образом, в протестантских университетах Германии. Поэтому столь естественной представляется критика мистической философии и идей Дионисия Ареопагита и Симеона Нового Богослова, якобы ведущих к монофизитству, одного из подписавших заключение 1913 г., учившегося в Германии у А. Гарнака и защитившего диссертацию в Гейдельберге, профессора церковной истории архимандрита В. Стефанидиса в изданной им в 1948 г. «Истории церкви с древности до наших дней» (см. [14]).

⁵ Как свидетельствует митрополит Вениамин (Федченков) сам Антоний (Храповицкий) книги Илариона не читал (см. (12, с.426)).

⁶ 1-я Балканская война, которую страны Балканского союза (Греция, Болгария, Сербия и Черногория) вели против Турции, по существу, уже закончилась. Салоники и Афон еще в 1912 были освобождены греческими войсками. Однако к июлю 1913 года будущее Афона еще не было определено. Россия добивалась придания Святой Горе статуса международной территории. Поэтому в посылке туда в столь важный исторический момент военных кораблей, хотя и решающих вроде внутреннюю чисто российскую проблему, некоторые авторы (см. [14]) усматривают демонстрацию военной силы.

⁷ В этой насильственной высылке русских монахов с Афона, произведенной «десантом» владыки Никона, следует видеть одну из главных причин упадка русских общин на Святой Горе в XX столетии (см. [14]).

⁸ Как писал сам о. Антоний: «Взоры всех имяславцев обратились к отечеству; там следовало выяснить всю истину создавшегося положения, туда надо было кому-нибудь ехать и все обсказать, и выбор пал на меня» [10, с.67].

⁹ Из письма о. Антония (Булатовича) Николаю П: «Мы не хотим раскола, скорбим о том бедствии, которое ныне постигло нашу Церковь, желали бы, чтобы в Церкви снова наступил мир и всякие догматические споры – прекратились, но отступить от исповедания Божества имени Божия мы не считаем себя вправе, и покориться несправедливому мнению Св. Синода считаем за вероотступничество. [...] Повелите лично известным Вам и пользующимся Вашим доверием лицам, духовным и светским собраться в особую комиссию и разобрать основания, как учения имяславцев, так и учения имяборцев. [...] Та сторона, которая окажется согласной в своем учении с учением Св. Отцов и со словами Писания, та и должна быть признана правой. [...] Если же Ваше Императорское Величество, Вы не найдете возможным во исполнение нашей просьбы назначить подобную комиссию, то просим по крайней мере повелеть, чтобы Синодальная Контора при обсуждении православности нашего учения руководствовалась бы не синодальным посланием от 18 мая, но руководствовалась бы лишь православным катехизисом, Св. Писанием и словами Св. Отцов. [...], а к каким дальнейшим бедствиям это приведет Россию, это ведает один лишь Бог...» (из архива священника П.А. Флоренского цит. по [13]).

¹⁰ Нельзя видеть имяславцев исключительно жертвами действий враждебных им имяборцев. Даже действия Московской синодальной конторы, настроенной к ним благожелательно, встречали со стороны имяславцев решительный и не всегда оправданный отпор (см. [13]).

¹¹ Свидетельство Владимира Николаевича Щелкачева.

¹² «Вы недовольны Кантом, – писал Егоров [32, с.339] в 1906 году, – я с Вами согласен, что его категории очень непрочны построены, и сочувствую более его теории познания... Все же думаю, что философия Канта включает много истинного, а бездоказательность всегда есть и будет в философских построениях. Надо, кроме того, принимать во внимание время, когда писал Кант; этим объясняется известная доза схоластики его построений.»

¹³ Как пишет в книге «Русская православная церковь в XX веке» [18, с.174-175] известный историк русской церкви Д.В.Поспеловский: «В действительности этот термин охватывает всякую неофициальную, и потому не контролируемую государством, церковную деятельность. В число катакомбных христиан входили крайние группы... отрицавшие благодатность Сергиевской Церкви, из среды которых вышел ряд сект... Более многочисленны были умеренные группы, как, например, последователи митрополита Кирилла. Они считали свой раскол временным явлением, и после возвания епископа Афанасия вернулись в патриаршую церковь в 1945-1946 гг.

Во-вторых, вероятно, самая многочисленная часть "катакомбников" никогда не порывала с митрополитом Сергием. Они ушли в подполье только потому, что открытие совершения религиозных обрядов оказалось невозможным. По-видимому, они признавали Сергия законным временным главой Русской церкви и, когда это стало возможным, т.е. после 1943 г., восстановили с ним каноническую связь и литургическое общение. Только так можно объяснить внезапное появление тысяч двадцаток, просивших разрешения открыть церкви, и тысяч приемлемых для этих двадцаток священников в местностях, где от 5 до 15 лет не было ни одной открытой церкви. Можно заключить, что в большинстве случаев это были священники, которые до 1943- 1944 гг. продолжали свою деятельность в подполье и поэтому были лично известны членам этих двадцаток. Один из специалистов по истории Русской церкви считает, что существование катакомбной церкви является одной из причин того, что Сергию удалось сохранить к 1939 г. несколько сот приходов и сокращенное до минимума церковное управление».

¹⁴ Н.Н.Бухгольц, по свидетельству В.Н.Щелкачева, если и был арестован, то на очень короткий срок (либо даже не арестовывался вовсе). Как объясняла Щелкачеву супруга Бухгольца, такое мягкое к нему отношение объяснялось тем обстоятельством, что внебрачный сын Бухгольца был внешним сотрудником ОГПУ.

¹⁵ Данные о месте работы обвиняемых в обвинительном заключении зачастую даются неверно (например, информация о месте работы В.Н.Щелкачева - см.ниже). Так, по его свидетельству, основным местом работы палеонтолога А.В.Сузина был Московский геологоразведочный институт.

¹⁶ В центр входили также Ю.А.Олсуфьев и Ф.Г.Пономарев. Первый к тому времени уже умер, второй находился в ссылке и по делу не проходил.

¹⁷ В обвинительном заключении об этом сказано так: «...церковно-политический центр" ставил своей задачей общеполитическое руководство организацией, которое осуществлялось путем воздействия на находившийся в Ленинграде ее церковно-административный центр» (Заключение, с.31).

¹⁸ В России в Твери, Серпухове (12 ячеек, руководитель епископ Максим (Жижиненко)), Стародубе (руководитель епископ Дамаскин (Цедрик)), Орехово-Зуево, Вышнем Волочке (руководитель монах Феофан (Ишков)), Глазове (руководитель епископ Виктор (Островидов), на Сев.Кавказе (27 ячеек, руководитель епископ Варлаам (Лазаренко)), в Воронеже (50 ячеек, руководитель - проходивший по делу епископ Алексей (А.В.Буй) - о «воронежской ячейке» см.[44]), в Поволжье (87 ячеек). На Украине было 50 ячеек, руководителями выступали епископы Павел (Кратиров) и Иосиф (Попов) (Заключение, с.31-45).

¹⁹ Свидетельство В.Н.Щелкачева.

²⁰ В воспоминаниях о Д.Ф.Егорове, которые незадолго до своей кончины, по просьбе В.Г.Морова, наговорил на магнитофон Н.М.Бескин, имеется фрагмент о том, как иногда Бескин сопровождал Егорова домой, и там, на лестнице его поджидали священники, к которым Егоров с большим почтением подходил под благословение. Бескин рассказывал, что священники эти были одеты как-то слишком просто, не как, говорил он, наши православные священники. Это, судя по всему, и были те

самые афонские монахи с Кавказа, которые окормляли и его, и Лосева. По сведениям, сообщенным мне епископом Амвросием (фон Сиверсом), А.Ф.Лосев принял у них постриг с именем Андроник. Что касается Д.Ф.Егорова, то, как сказал владыка Амвросий, есть основания полагать, что Егоров также был пострижен (вероятно, самим Давидом) с именем Дионисий.

В тексте обвинительного заключения мы находим фрагменты, касающиеся контактов Егорова и Лосева с кавказскими имеславцами: «На квартирах профессора Егорова и Лосева устраивались нелегальные заседания, на которых обсуждались вопросы об имеславцах. На этих заседаниях присутствовали представители имеславческой к.-р. организации на Кавказе, находившейся на нелегальном положении и скрывавшейся на горах» (Заключение, с.84). (Вероятно, имеются в виду те самые визиты старцев, о которых рассказывал Н.М.Бескин.) Из показаний Баскарева: «Имеславец с Кавказа, монах Манасия, прежде всего при своих приездах советовался с Лосевым по всем вопросам религиозно-политического движения. Кавказские имеславцы считали Лосева непререкаемым авторитетом». «Я помню, как Лосев раз выпустил отпечатанные на пишущей машинке листовки о существовании имеславчества. Листовки эти были вручены для кавказских имеславцев монахам Иренею и Понтию» (Заключение, с.84).

²¹ Как рассказывает В.Н.Щелкачев, Д.Ф.Егоров, войдя в общую камеру на Лубянке, снял пальто, расстелил его на полу и лег - его мучила язва. Увидев, что Щелкачев беседует с прибывшим, сокамерники, а это были, в основном, московские инженеры, привлеченные по делу какой-то вымышленной ОГПУ контрреволюционной организации инженеров, поинтересовались личностью вошедшего. Щелкачев объяснил - кто это. Через некоторое время вокруг Егорова собрались заключенные. Среди вопросов, которые были заданы Егорову, Щелкачев запомнил один - кто среди молодых московских математиков представляется ему наиболее перспективным? Егоров назвал А.Н.Колмогорова.

²² Замечательными памятниками этой традиции стали такие сочинения, как «Философия имени» А.Ф.Лосева (Москва, 1927), книга с тем же названием С.Н.Булгакова (Париж: Имка-пресс, 1953), труды П.А.Флоренского (см. его работы в книге: *Флоренский П.А. Сочинения. Т.2. М., 1990*). Иллюстрацию того, как она воспринимается сегодня в отличном, вообще говоря, философском климате, дает рассказ немецкого философа М. Хагемайстера [44, с.95], побывавшего за несколько лет до смерти А.Ф.Лосева у него в гостях и задумавшего после этого устроить в Марбургском университете семинар по философии имени. «Успех превзошел ожидания, - рассказывал он, - Лосев увлек нас на стезю философствования. Вместо обычных полутора часов мы просиживали по четыре-пять, подчас до полуночи... Мы проникали в мир мировой мудрости, где знакомая нам традиция, идущая от Платона через Плотина и Николая Кузанского, немецкую классическую философию, Гуссерля и Кассирера, сочеталась с новой для нас специфически русской частью мысли Лосева, сопоставимой с имеславием и представлениями о магии слова в русском символизме.»

Совсем недавно выпущен сборник [11], составленный А.А.Тахо-Годи из имеславческих материалов, хранящихся в архиве А.Ф.Лосева: различных фрагментов, завершённых работ, конспектов лекций и выступлений. Трудно переоценить значение этой книги для дальнейшего развития имеславческой тематики и для исследователей творчества выдающегося русского философа. Она содержит также бесценный материал по проблеме имени в святоотеческой традиции и по истории имеславия в России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письма Д.Ф.Егорова П.А.Флоренскому

На эти письма, хранящиеся в архиве священника П.А.Флоренского, обратил мое внимание С.М.Половинкин, которому я пишу искреннюю свою благодарность.

I

Москва, 21.1.07

Многоуважаемый Павел Александрович,

Позвольте просить Вас передать прилагаемое письмо Н.Н.Лужину¹, который, как я слышал, в настоящее время находится у Вас.

Премного обяжете меня.

С искренним уважением

Д. Егоров.

Примечания

На конверте: от профессора Д.Егорова, Москва, Б.Молчановка, д.Грындина.

¹ См. письмо VII в [32].

II

<Получено 29 июля 1921 г.>¹

Глубокоуважаемый отец Павел Александрович,

Давно уже не имели мы возможности Вас видеть. За это время многое произошло. Самое важное — это совместное служение Патриарха с батюшкой отцом Давидом². Кроме того, в благочинии о.С.В.Успенского было выражено желание выслушать Вашу беседу об имеславии, и следовало бы как-нибудь устроить это. Таким образом по нескольким поводам необходимо было бы видеть Вас. Как это устроить?

Я бываю дома обычно днем около двух или вернее от 14 до 3 1/2 ч. и вечером часов с восьми. Исключение — пятница, когда утром иногда уезжаю в Кунцево. Когда застать Вас — не знаю.

Последний раз, когда мы были у отца Давида, он сказал, что имеет нечто передать Вам. Таким образом Вам необходимо собраться в Таганку.

С искренним уважением

Д. Егоров

Поварская, Борисоглебский пер. д.8, кв.5.

Примечания

¹ Надписано рукою П.А.Флоренского.

² Об афонском старце о.Давиде см публикуемую выше статью. Имеются неподтвержденные сведения, что он был духовником А.Ф.Лосева и, может быть, самого

Д.Ф.Егорова Так как о.Давид один из лидеров имеславческого движения, то факт его служения с патриархом Тихоном представляется нам чрезвычайно важным с точки зрения истории имеславчества.

III

<Получ.2 авг. 1921 г.>¹
2(15). VIII

Глубокоуважаемый о. Павел Александрович,
пришлось назначить Ваше чтение на неделю после Успенъего дня: в среду 18/31 августа в 7 час. веч. (по нов. времени) в храме Св.Николая.

Приходите ко мне заранее!
Искренне уважающий

Д.Егоров.

Примечания

¹ Написано рукою П.А.Флоренского.

Список литературы

1. <Схимонах *Иларион*> На горах Кавказа. Беседа двух старцев пустынножителей о внутреннем единении с Господом наших сердец, чрез молитву Иисус Христову. В трех частях. Составил пустынный Кавказских гор, лесов и ушей. Баталпашинск: Тип. Л.Я.Кочка, 1907.
2. Составил пустынножитель Кавказских гор схимонах *Иларион*. На горах Кавказа. Беседа двух пустынножителей о внутреннем единении с Господом наших сердец, чрез молитву Иисус Христову, или духовная деятельность современных пустынножителей. 2-е издание исправленное и много дополненное. Баталпашинск: Тип. Л.Я.Кочка, 1910.
3. На горах Кавказа. Беседа двух старцев пустынножителей о внутреннем единении с Господом наших сердец, чрез молитву Иисус Христову, или духовная деятельность современных пустынножителей. Составил схимонах *Иларион*, пустынножитель Кавказских гор. Ч.1. Киев: Издание Киево-Печерской Лавры, 1912.
4. <*Флоренский П.А.*> Предисловие к [10].
5. *Флоренский П.А.* Имеславие как философская предпосылка. Об имени Божиим // *Флоренский П.А.* Сочинения. У водоразделов мысли. М., 1990. Т.2. С.281 - 321.
6. Инок *Хрисанф*. Рецензия на сочинение схимонаха о.Илариона «На горах Кавказа» // Святое православие и именованная ересь. Харьков, 1916.
7. *Булатович А.К.* С войсками Менелика II. М., 1971.
8. *Кацнельсон И.С.* А.К. Булатович - гусар, землепроходец, схимник. В кн.[7].
9. *И.Антоний*. Апология веры в Божественность Имен Божиих и Имени «Иисус». Св.Гора, 1912.
10. *И.Антоний (Булатович)*. Апология веры в Божественность Имен Божиих и Имени «Иисус». Москва: Издание «Религиозно-философской библиотеки», 1913.
11. *Лосев А.Ф.* Имя. Сочинения и переводы. СПб, 1997.
12. *Игумен Андроник (Трубачев)*. Комментарий к работе [5] // *Флоренский П.А.* Сочинения. У водоразделов мысли. М., 1990. Т.2. С.424 - 437.

13. Хроника Афонского дела (составлено *С.М.Половинкиным*) // Архив свящ. Павла Флоренского / под ред. игумена *Андроника* (Трубачева). Томск, 1998. Вып.2. С.203- 247.
14. *Папулидис К.К.* Русское и меславие на Святой Горе. Фессалоники. 1977 (Сору- right: Institute for Balkan Studies. Thessaloniki, 1977). (На греческом языке.)
15. Сборник документов относящихся к Афонской имяборческой смуте. Петроград: Издание типографии «Товарищества газеты Свет», 1916.
16. Иеросхимонах *Антоний (Будатович)*. Моя борьба с Имяборцами на Святой Горе Петроград: Исповедник, 1917.
17. *Зандер Л.А.* Бог и Мир. Париж, 1948. Т.1
18. *Поселовский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
19. *Демидов С.С.* Н.В.Бугаев и возникновение московской школы теории функций действительного переменного // Историко-математические исследования. 1985. Вып.29. С.113 - 124.
20. *Demidov S.S. N.V.Bougaiev* et la création de l'école de Moscou de la théorie des fonctions d'une variable réelle // Mathematica. Festschrifte fur Helmuth Gericke («Boethius» Series). 1985. Vol.12. P.651 - 673.
21. *Половинкин С.М.* П.А.Флоренский: Логос против хаоса // Новое в жизни, науке, технике. Серия «Философия». М., 1989. №2.
22. *Егоров Д.Ф.* Уравнения с частными производными второго порядка по двум независимым переменным. Общая теория интегралов, характеристики. М.: Типография Московского университета, 1898.
23. *Царев С.П.* Геометрия гамильтоновых систем гидродинамического типа. Обобщенный метод гидрографа // Известия АН СССР. Серия «Математика». 1990. Т.54. №5. С.1048- 1068.
24. *Царев С.П.* Дифференциально-геометрические методы интегрирования систем гидродинамического типа / Диссертация на соискание ученой степени доктора физико-математических наук (Математический институт им.В.А.Стеклова Российской Академии наук). М., 1993.
25. *Darboux G.* Leçons sur les systèmes orthogonaux et les coordonnées curvilignes. 2-ème éd. Paris, 1910.
26. *Егоров Д.Ф.* Работы по дифференциальной геометрии / Под ред. *С.П.Финикова*. М., 1970.
27. *Выгодский М.Я.* Математика в Московском университете во второй половине XIX века // Историко-математические исследования. М., 1948. Вып.1. С.141- 295.
28. *Egorov D.F.* Sur les suites des fonctions mesurables // C.R. Acad.Sei.Paris. 1911. Vol.152. P.244- 246.
29. *Юшкевич А.П.* История математики в России. М.,1968.
30. *Бескин Н.М.* Воспоминания о московском физмате начала 20-ых годов // Историко-математические исследования. 1993. Вып.34. С.163 - 184.
31. *Demidov S.S.* La revue «*Matematcheskii Sbornik*» dans les années 1866 - 1935 // *Ausejo E., Hormigon M.* (Eds.) Messengers of Mathematics: European Mathematical Journals (1800 - 1946). Madrid, 1993. P.235 - 256.
32. Письма Д.Ф.Егорова к Н.Н.Лузину. Предисловие *П.С.Александрова* / Публикация и примечания *Ф.А.Медведева* при участии *А.П.Юшкевича* // Историко-математические исследования. 1980. Вып.25. С.335 - 361.
33. Шесть неизвестных автографов Д.Ф.Егорова / Публикация, примечания и комментарии *В.Л.Волкова* // Историко-математические исследования. 1993. Вып.35. С.324 - 336.

34. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Серия 3. Письма. М., 1954. Т.14.
35. Зайденов И. Октябрьская революция в Математическом обществе и Институте математики и механики // ВАРНИТСО. 1930. №11 - 12. С.73 - 74.
36. Долин И.Г. На встрече аспирантов // Научный работник. 1930. № 1. С. 18 - 20
37. Кольман Э. Вредительство в науке // Большевик. 1931. №2. С.73 - 81.
38. Форд Ч. Дмитрий Федорович Егоров: материалы из архива Московского университета // Историко-математические исследования. Сер.2. 1996. Вып.1 (36). №2. С.146 - 164.
39. Кузнецов П.И. Дмитрий Федорович Егоров (к 100-летию со дня рождения) // Успехи математических наук. 1971. Т.26. Вып.5. С.169 - 206.
40. Ford Ch.E. Dmitrii Egorov: Mathematics and religion in Moscow // The Mathematical Intelligencer. 1991. Vol.13. №2. P.24 - 30.
41. Demidov S.S. D.F.Egorov and mathematics in Moscow // Algorismus. Studien zur Geschichte der Mathematik und der Wissenschaften. Heft 13. München, 1994. S.333 - 346.
42. Demidov S.S. The Moscow School of the Theory of Functions in the 1930s // Zdravkovska S. Duren P. (Eds). Golden Years of Moscow Mathematics. Providence. Rhode Island. American Mathematical Society, London Mathematical Society, 1991. P.35 - 54.
43. Истинно-православные в Воронежской епархии / Публикация М. В.Шкаровского // Минувшее. Исторический альманах. М.-СПб, 1996. Вып.19. С.320 - 358.
44. Гулыга А. Диалектика жизни // Родина. 1989. №10. С.93 - 95.
45. Мандельштам О.Э. Сочинения в двух томах. М., 1990. Т.1. С.102.